

Митрополит Иларион (Алфеев)

ТАИНСТВО
ВЕРЫ

Митрополит Иларион (Алфеев)

Таинство веры

12-Е ИЗДАНИЕ

ПОЗНАНИЕ

МОСКВА

2021

УДК 281.93
ББК 86.372
А53

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р20-016-0053

Митрополит Иларион (Алфеев)
А53 **Таинство веры.** — Изд. 12-е. — М.: Издательский дом «Познание»,
2021. — 328 с.

ISBN 978-5-6044872-8-0

Эта книга представляет собой введение в христианское вероучение, молитву и богослужение. Автор говорит о сердцевинных вопросах православной веры, но говорит просто и доступно. Не случайно книга выдержала 12 изданий и переведена на 22 языка. Что дает человеку вера? Кто такой Бог и как понимает Его Православная Церковь? Как Бог может быть одновременно один и троичен? Каково православное учение о человеке? В чем значение Иисуса Христа? Для чего нужны Церковь и таинства? В чем смысл смерти и что ждет человека после смерти? На эти и многие другие вопросы отвечает настоящая книга.

ISBN 978-5-6044872-8-0

УДК 281.93
ББК 86.372

© Митрополит Иларион (Алфеев), текст, 2021
© Издательский дом «Познание», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	8
Глава I. Поиск веры	13
ЗОВ	14
МНОГООБРАЗИЕ ПУТЕЙ	17
ФИЛОСОФИЯ ИЩЕТ ТВОРЦА ВСЕЛЕННОЙ	21
БОГООТКРОВЕННАЯ РЕЛИГИЯ	24
Глава II. Бог	29
ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА «БОГ»	30
БОЖЕСТВЕННЫЕ ИМЕНА	34
СВОЙСТВА БОГА	38
УТВЕРЖДЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ	41
Глава III. Троица	49
ТАЙНА ТРОИЦЫ	50
ТРОИЧНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ	53
ПОЛНОТА БОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ТРОИЦЕ	55
Глава IV. Творение	63
БОГ ТВОРЕЦ	64
АНГЕЛЫ	66
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЛА	69
ВСЕЛЕННАЯ	73
Глава V. Человек	83
СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	84
ОБРАЗ И ПОДОБИЕ	86
ДУША И ТЕЛО	89

	ЖИЗНЬ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ ДО ПАДЕНИЯ	93
	ГРЕХОПАДЕНИЕ	97
	РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРЕХА	102
	ОЖИДАНИЕ МЕССИИ	105
Глава VI.	Христос	113
	НОВЫЙ АДАМ	114
	ХРИСТОС ЕВАНГЕЛИЯ: БОГ И ЧЕЛОВЕК	116
	ХРИСТОС ВЕРЫ: ДВЕ ПРИРОДЫ	119
	ДВЕ ВОЛИ ХРИСТА	124
	ИСКУПЛЕНИЕ	126
Глава VII.	Церковь	137
	ЦАРСТВО ХРИСТА	138
	НЕБО НА ЗЕМЛЕ	140
	СВОЙСТВА ЦЕРКВИ	143
	ЦЕРКОВНАЯ ИЕРАРХИЯ	147
	ЖЕНЩИНА В ЦЕРКВИ	152
	БОГОРОДИЦА И СВЯТЫЕ	155
	ИКОНЫ И КРЕСТ	159
Глава VIII.	Таинства	167
	ЖИЗНЬ В ТАИНСТВАХ	168
	КРЕЩЕНИЕ	171
	МИРОПОМАЗАНИЕ	176
	ЕВХАРИСТИЯ	179
	ПОКАЯНИЕ	189
	ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ	193
	БРАК	196
	СВЯЩЕНСТВО	200
	МОНАШЕСТВО	204
Глава IX.	Молитва	215
	БОГОСЛУЖЕНИЕ	216
	БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ЯЗЫК	220
	МОЛЧАНИЕ	224
	ВНИМАНИЕ	228
	УМНОЕ ДЕЛАНИЕ	231

МОЛИТВА И БОГОСЛОВИЕ	238
ПЛОДЫ МОЛИТВЫ	241
Глава X. Обожение	253
ВИДЕНИЕ БОГА	254
ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	260
Глава XI. Жизнь будущего века	271
КОНЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ	272
ДУША ПОСЛЕ СМЕРТИ	277
МОЛИТВА ЗА УМЕРШИХ	280
ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ	285
СТРАШНЫЙ СУД	288
АД	292
РАЙ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ	298
Примечания	308
Указатель к цитатам, помещенным в конце каждой главы	322
Основные сокращения	326

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга была написана «на одном дыхании» — в течение Великого поста 1992 года. В своем первоначальном виде она представляла собой подборку материалов для лекций по догматическому богословию, не предназначенных для печати. Книга впервые увидела свет в 1996 г. по инициативе группы студентов Свято-Тихоновского православного богословского института. Вскоре появилось второе издание, за ним последовали другие издания и переводы книги на иностранные языки.

Книга не является систематическим изложением догматического богословия Православной Церкви. Жанр книги может быть определен как личный комментарий автора, православного священника, к догматам Православной Церкви. Поэтому книга скорее ставит вопросы, чем дает ответы. Так как книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся учением Православной Церкви в его историческом развитии и в его отношении к современным проблемам, автор считал необходимым дать читателям возможность услышать живой голос учителей Церкви и некоторых ее ведущих богословов и потому приводил буквально их высказывания относительно основных догматов вероучения.

Догмáт — слово греческое; оно означает непреложную истину, принимаемую на веру и общеобязательную для христиан (от греч. *dogma* — «закон», «правило», «постановление»)*. Догматы богооткровенны, потому что они основаны на Священном Писании, хотя

* Греческое слово «дóгма», с ударением на первом слоге, женского рода, вошло в русский язык и в просторечии имеет отрицательный оттенок чего-то застывшего и безжизненного (так же как и слово «догматический»). Слово «догмáт», мужского рода, с ударением на втором слоге, восходит к славянским богослужебным текстам: «Яко царское украшение Церкви, Василия вси восхвалим, догматов сокровище нескудеемо»; «Празднует днесь Церковь честное торжество учителей триех, ибо тии утвердиша Церковь божественными своими догматы» (Служба трем святым: Миния праздничная. М., 1970, с. 295–296).

окончательно сформулированы в позднейшую эпоху. Они являются достоянием всей Церкви, как выработанные ее соборным разумом. В отличие от догматов, ереси (от греч. *hairesis* — букв. «выбор», «изъятие») представляют собой богословские мнения, противопоставленные церковному учению, как бы изъятые из его контекста. Все догматы были сформулированы в ответ на возникавшие ереси. В свою очередь, и ереси рождались из недоумений по основным пунктам вероучения. Многовековая история христианства наполнена постоянной борьбой с ересями: в этой борьбе крепло сознание Церкви, оттачивались формулировки, развивалось богословское мышление. Система православного догматического богословия — итог всей двухтысячелетней истории христианства.

В современном мире широко распространен такой взгляд на религию, при котором догматы рассматриваются как нечто необязательное и вторичное, а первичными признаются нравственные заповеди. Отсюда — религиозный индифферентизм и равнодушие к богословию. Однако Церковь всегда сознавала, что догматы и заповеди связаны неразрывно и одно не бывает без другого. «Вера без дел мертва», — говорит апостол Иаков (Иак. 2:26). А по апостолу Павлу, «человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3:28). В этих двух фразах нет противоречия: дела необходимы, но они не спасительны сами по себе, без веры, потому что спасает людей Христос, а не их собственные добродетели.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными», — говорит Христос (Ин. 8:32), Который Сам является единственной Истиной, Путем и Жизнью (Ин. 14:6). Каждый догмат раскрывает истину, указывает путь и приобщает к жизни. А каждая ересь удаляет от истины, закрывает для человека путь ко спасению и делает его духовно мертвым. Борьба за догматы, которую вела Церковь на протяжении всей своей истории, была, как показывает В. Лосский, борьбой за спасение человека, за возможность приобщения к истинной Жизни, единения с Богом и вечного блаженства.¹

Православное богословие никогда не располагало таким полным и исчерпывающим сводом вероучительных истин, каким для католического Запада являлась «Сумма теологии» Фомы Аквинского, где была сделана попытка систематизировать все христианское вероучение в виде вопросов и ответов. Труд Аквината на долгие столетия предопределил развитие богословской мысли Запада, которая становилась все более рациональной и схоластичной. Волей исторических обстоятельств православное богословие последних веков испытало на себе сильное влияние западного «школьного богословия», отразившееся, в частности, на русских учебниках по догматике, написанных в XIX веке. Оторванность от реальной духовной жизни и умозрительность, характерные для «школьного богословия» Католической Церкви вплоть до Второго Ватиканского Собора, в значительной мере присущи и русскому догматическому богословию прошлого столетия. И лишь в XX веке, трудами таких богословов, как Владимир Лосский, протоиерей Георгий Флоровский и других, был положен конец схоластическому засилью в русском богословии и выработано общее направление дальнейшего богословского поиска, лозунгом которого стало «вперед — к отцам». Жизнь во Христе есть духовный огонь, а богословие, построенное в первую очередь на доводах разума, подобно соломе, попадаемой и уничтожаемой огнем подлинного религиозного опыта.

Говоря так, мы вспоминаем самого «отца схоластики» Фому Аквинского, которому, как повествует его жизнеописание, незадолго до смерти явился Христос, после чего он неожиданно для всех прекратил литературную деятельность, оставив незаконченной свою «Сумму». «После того, что я видел, все, написанное мною, кажется мне подобным соломе», — сказал он своим ученикам.² Богословие должно не противоречить религиозному опыту, а, наоборот, исходить из последнего; именно таким было богословие отцов Церкви на протяжении двадцати столетий — от апостола Павла и священномученика Игнатия Богоносца до святителя Феофана Затворника и преподобного Силуана Афонского.

В нашей книге мы стремились основываться на учении святых отцов, учитывая, впрочем, не только то, что у всех церковных писателей было общего, но и те частные богословские мнения (теологумены), которые вносились отдельными авторами в сокровищницу христианского вероучения. Главным критерием богословской точности служит, по православному пониманию, так называемый *consensus patrum* — «согласие отцов» по основным вопросам доктрины. Однако нельзя понимать этот *consensus* как нечто искусственное, созданное в результате отсечения у каждого автора всего индивидуального и наиболее яркого, как некий «общий знаменатель» святоотеческой мысли. Нам представляется, что «согласие отцов» подразумевает их общность в главном при возможных разногласиях по отдельным пунктам. Поэтому многие частные мнения святых отцов, будучи плодами духовного поиска богопросвещенных мужей веры, не должны искусственно отсекааться для создания упрощенной схемы или «суммы» богословия.

В нашей книге мы, помимо высказываний отцов и учителей Церкви, приводили мнения некоторых современных православных богословов. Православная догматика не является памятником христианской древности: она требует живого восприятия и современного комментария, учитывающего опыт человека XX столетия. Нельзя, например, излагая догматическое учение Церкви, обходить молчанием взгляды таких выдающихся богословов, как митрополит Сурожский Антоний или архимандрит Софроний (Сахаров), которые сумели, оставаясь верными святоотеческому Преданию, ответить на жгучие вопросы сегодняшнего человека — вопросы, далеко не всегда совпадающие с тем, чем интересовались в IV веке. Православная догматика не может быть сведена к простому повторению того, что было сказано древними отцами. Речь идет не о переосмыслении догматов, но о таком их осмыслении заново, при котором частью догматической системы становится опыт современного христианина.

Основанное на духовном опыте, чуждое рационализма и схоластики, православное богословие остается живым и действенным

в наши дни не менее, чем сотни лет назад. Одни и те же вопросы всегда стояли и стоят перед человеком: что есть истина? в чем смысл жизни? как достичь истинного богопознания и блаженства в Боге? Христианство не стремится поставить точки над *i*, исчерпав все вопрошания человеческого духа. Но оно открывает иную реальность, настолько превосходящую все окружающее нас в земной жизни, что, встретившись с ней, человек забывает свои вопросы и недоумения, потому что душа его соприкасается с Божеством и умолкает в предстоянии Тайне, выразить Которую не в силах никакое человеческое слово.

ГЛАВА 1

ПОИСК
ВЕРЫ

Вера — это путь, по которому Бог и человек идут навстречу друг другу. Первый шаг делает Бог, всегда и безусловно верящий в человека. Он дает человеку некий знак, некое предощущение Своего присутствия. Человек слышит как бы таинственный зов Бога, и его шаг навстречу Богу является ответом на этот зов. Бог призывает человека явно или тайно, ощутимо или почти незаметно. Но трудно человеку поверить в Бога, если он прежде не ощутит призвания.

Вера — это тайна и таинство. Почему один человек откликается на зов, а другой нет? Почему один, услышав слово Божие, готов принять его, а другой остается глух? Почему один, встретив Бога на своем пути, тотчас бросает все и следует за Ним, а другой отворачивается и уходит в сторону?

«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, ...ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною... И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним. Оттуда, идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна... и призвал их. И они тотчас, оставив лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф. 4:18–22). В чем тайна этой готовности галилейских рыбаков, бросив все, следовать за Христом, Которого они видят впервые в жизни? И почему богатый юноша, которому Христос тоже сказал: «Приходи и следуй за Мною», — не откликнулся тотчас же, но «отошел с печалью»? (Мф. 19:21–22). Не в том ли причина, что те были нищими, а этот обладал «большим именем», те не имели ничего, кроме Бога, а у этого были «сокровища на земле»?

У каждого человека есть свои сокровища на земле — будь то деньги или вещи, хорошая работа или жизненное благополучие. А Господь говорит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство

Небесное» (Мф. 5:3). В древних списках Евангелия от Луки еще проще и прямее: «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк. 6:20). Блаженны ощутившие, что они ничего не имеют в этой жизни, хотя бы и обладали многим, почувствовавшие, что никакое земное обретение не может заменить человеку Бога. Блаженны те, которые идут и продают все свое богатство, чтобы приобрести одну драгоценную жемчужину — веру (Мф. 13:45–46). Блаженны те, которые познали, что без Бога они нищие, которые возжаждали и взалкали Его всей душой, всем разумом и волей.

Слово о вере никогда не было легким для восприятия. Но в наше время люди бывают настолько поглощены проблемами земного существования, что многим просто некогда услышать это слово и задуматься о Боге. Подчас религиозность сводится к тому, что празднуют Рождество и Пасху и соблюдают еще кое-какие обряды только ради того, чтобы «не оторваться от корней», от национальных традиций. Где-то религия вдруг становится «модной», и в церковь идут, чтобы не отстать от соседа. Но главным для многих является деловая жизнь, работа. «Деловые люди» — это особая генерация людей XX века, для которых не существует ничего, кроме их собственной функции в каком-то «деле», бизнесе, поглощающем их полностью и не оставляющем ни малейшего просвета или паузы, необходимой для того, чтобы услышать голос Бога.

И все же, как ни парадоксально, среди шума и круговорота дел, событий, впечатлений люди слышат в своем сердце таинственный Божий зов. Этот зов, может быть, не всегда отождествляется с идеей о Божестве и субъективно нередко воспринимается просто как некая неудовлетворенность, внутреннее беспокойство, поиск. И только спустя годы человек осознает, что вся его прежняя жизнь была такой неполноценной и ущербной из-за того, что в ней не было Бога, без Которого нет и не может быть полноты бытия. «Ты создал нас для Себя, — говорит блаженный Августин, — и беспокойно томится сердце наше, пока не успокоится в Тебе»¹.

Божий зов можно уподобить стреле, которой Бог, как опытный охотник, ранит душу человека. Кровоточащая и незаживающая

рана заставляет душу, забыв обо всем, искать врача. Душа того, кто ощутил зов, становится одержимой горячим влечением к Богу. «И помыслы такой души, — пишет преподобный Макарий Египетский, — горят духовной любовью и неудержимой тягой ко все более славным и светлым красотам духа, томятся неудержимой любовью к небесному Жениху и... рвутся к возвышеннейшему и величайшему, чего уже больше ни словами не высказать, ни человеческим разумом не постичь... Через великие труды, усилия, долгое подвижничество и совершенную борьбу... такие души всегда восхищены небесными духовными таинствами и увлечены разнообразием Божьей красоты, в великой жажде ища лучшего и величайшего. Ибо в Божественном Духе заключена разнообразная и неисчерпаемая, неизреченная и немислимая красота, открывающая себя достойным душам на радость, и наслаждение, и жизнь, и утешение, чтобы чистая душа, томящаяся ежечасно сильнейшей и пламенной любовью к небесному Жениху, никогда уже более не оглядывалась на земное, но была всецело объята влечением к Нему»².

МНОГООБРАЗИЕ ПУТЕЙ

Люди приходят к Богу разными путями. Иногда встреча с Богом бывает внезапной и неожиданной, иногда — подготовленной долгим путем исканий, сомнений, разочарований. В одних случаях Бог «настигает» человека, заставляя его врасплох, в других — человек обретает Бога, сам обращается к Нему. Это обращение может произойти рано или поздно, в детстве и юности, в зрелости и старости. И нет двух людей, которые пришли бы к Богу одинаковой дорогой. И нет такой проторенной дороги, по которой один мог бы идти вместо другого. Каждый здесь является первопроходцем, каждый должен пройти весь путь сам и обрести своего личного Бога, Которому мы говорим: «Боже, Ты — Бог *мой!*» (Пс. 62:2). Бог один и тот же для всех людей, но Он должен быть открыт *мною* и стать *моим*.

Один из примеров внезапного обращения человека — апостол Павел. До своего апостольства он был правоверным иудеем и ненавидел христианство, как вредную и опасную секту: «дыша угрозами и убийством», он шел в Дамаск, намереваясь причинить много зла Церкви. И когда он уже приближался к городу, «внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9:1–5). Слепленный Божественным светом, Савл потерял зрение — три дня он не видел, не ел и не пил. А потом принял Крещение, прозрел и стал апостолом Христа — тем, кому суждено было «более всех» потрудиться в проповеди Евангелия (1 Кор. 15:10). И тотчас после своего Крещения он пошел проповедовать того Христа, Который открылся лично ему, Который стал *его* Богом.

А вот пример нашего современника — митрополита Сурожского Антония. В детстве был неверующим, и то, что он слышал о Христе, не вызывало у него никаких симпатий к христианству. Однажды, возмущенный проповедью одного священника, он решил проверить, неужели христианство в самом деле так непривлекательно, как его изображают в слщавых рассказах. Он взял Новый Завет, выбрал из четырех Евангелий самое короткое, чтобы не тратить много времени, и принялся читать. «Пока я читал Евангелие от Марка, — рассказывает он сам, — между первой главой и началом третьей вдруг я ощутил, что по ту сторону стола, пред которым я сижу, Кто-то стоит невидимо, но абсолютно ощутимо. Подняв глаза, я ничего не увидел, ничего не слышал, никаких чувственных ощущений у меня не было, но была абсолютная уверенность, что стоит по ту сторону стола Иисус Христос... С этого начался для меня целый переворот...

Я почувствовал, что никакой иной задачи не может быть в жизни, кроме как поделиться с другими той преображающей жизнью радостью, которая открылась мне в познании Бога и Христа. И тогда, еще подростком, вовремя и не вовремя, на школьной скамье, в метро, в детских лагерях я стал говорить о Христе, каким Он *мне* открылся: как жизнь, как радость, как смысл, как нечто настолько новое, что оно обновляло все... Я мог бы сказать вместе с апостолом Павлом: "Горе мне, если не благовествую" (1 Кор. 9:16). Горе, потому что не делиться этим чудом было бы преступлением перед Богом, это чудо свершившим, и перед людьми, которые по всей земле сейчас жаждут живого слова о Боге, о человеке, о жизни...»³

Менее внезапным, но не менее неожиданным было обращение к религии французского яхтсмена Бернара Муатесье. Будучи участником кругосветных одиночных гонок, победителя которых ждала огромная денежная премия и всемирная слава, он уверенно двигался к финишу и имел все шансы рассчитывать на победу — ему уже готовили торжественную встречу в Англии. Неожиданно для всех он изменил маршрут и направил яхту к берегам Полинезии...

Только через несколько месяцев удалось узнать, почему он выбыл из игры. Находясь долгое время наедине с океаном и небом, он все глубже задумывался о смысле жизни, и все менее привлекательной казалась ему та цель, которой предстояло достичь, — деньги, успех, слава. В океане он ощутил *дыхание вечности*, почувствовал присутствие Бога и уже не хотел возвращаться к обычной мирской суете.

Конечно, обращение к Богу совсем не всегда бывает внезапным и неожиданным: чаще человек долго ищет, прежде чем обретает. Блаженный Августин должен был пройти через многие заблуждения и испытания, перечитать множество философских и богословских книг, прежде чем в тридцать три года понял, что не может жить без Бога. В наше время некоторые начинают искать абстрактную и отвлеченную «истину» через книги, а приходят к откровению Бога Личности. Иногда к христианству приходят окольным путем — через восточные религии и культы, буддизм, йогу. Иные приходят к Богу, пережив катастрофу: потерю близкого, скорбь, болезнь, крушение надежд. В несчастье человек ощущает свою нищету, понимает, что он все потерял и не имеет ничего, кроме Бога. Тогда он может воззвать к Богу *de profundis* — из глубины (Пс. 129:1), из бездны горя и безнадежности.

Обращение к Богу может произойти благодаря встрече с истинным верующим — священником, благочестивым мирянином. Христос сказал: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца Небесного» (Мф. 5:16). Если бы христиане сияли Божественным светом, если бы в их глазах отражалась Божественная любовь, это было бы лучшим свидетельством о Боге и доказательством Его бытия. Один юноша решил посвятить жизнь Богу после того, как увидел священника, который на его глазах преобразился, подобно Христу на Фаворе, и просиял небесным светом...

Есть и самый, как кажется, естественный путь к Богу: ребенок рождается в религиозной семье и вырастает верующим. И тем не менее вера, хотя и может быть получена от предков,

должна быть осмыслена или выстрадана самим человеком, должна стать частью *его* собственного опыта. Известны случаи, когда из религиозных или даже священнических семей выходили атеисты: достаточно вспомнить Чернышевского и Добролюбова, которые оба происходили из духовного сословия, но порвали с религиозностью своих предков... Верующими не рождаются. Вера дается, но дается усилиями и подвигом того, кто взыскал ее.

ФИЛОСОФИЯ ИЩЕТ ТВОРЦА ВСЕЛЕННОЙ

Сколько живет на земле человек, ему всегда было присуще стремление найти истину, осмыслить свое бытие. В Древней Греции философы занимались исследованием мироздания и его законов, а также человека и закономерностей его мышления, надеясь на основе этого достичь знания о первопричинах всех вещей. Философы не только предавались рассуждениям и логизированию, они изучали также астрономию и физику, математику и геометрию, музыку и поэзию. Разносторонние познания сочетались с аскетической жизнью и молитвой, без которых невозможно достичь очищения ума, души и тела — катарсиса.

Изучая видимый мир, философы приходили к выводу, что во Вселенной нет ничего случайного, но каждая деталь имеет свое место и выполняет свою функцию, подчиняясь строгим законам: планеты никогда не отклоняются от своих орбит, и спутники не покидают свои планеты. В мире все так гармонично и целесообразно, что древние назвали его «космосом», то есть красотой, порядком, гармонией, в противоположность «хаосу» — беспорядку, дисгармонии. Космос представлялся огромным механизмом, в котором действует один никогда не нарушающийся ритм, один никогда не сбивающийся пульс. Но всякий механизм должен быть создан кем-то, всякие часы должны быть сконструированы и заведены. Так философы диалектическим путем приходили к идее единого Устроителя Вселенной.

Платон называл Его Творцом, Отцом, Богом и Демиургом — последний термин означает Делателя, Мастера. «Все возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине, — пишет Платон. — Конечно, Творца и Отца этой Вселенной нелегко отыскать, а если мы Его и найдем, о Нем нельзя будет всем рассказывать... Космос прекрасен, и Демиург его добр... Космос — прекраснейшая